

УДК 159.99

DOI: 10.35750/2713-0622-2021-1-70-83

Караяни Александр Григорьевич

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (Москва, Россия)

karayany190alexander@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9586-9718

Alexander G. Karayani

National Research Institute of the MIA of Russia (Moscow, Russia)

karayany190alexander@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9586-9718

Ключевые слова

воздействие, методы негативного информационно-психологического воздействия, протесты, сотрудники правоохранительных органов

Методы негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей в ходе протестных акций в зарубежных странах

Аннотация

Актуальность (контекст) статьи. В 2019–2021 гг. в мире состоялись многочисленные протестные акции и массовые беспорядки, охватившие Европу, Азию, Америку. Некоторые из них сопровождались насилием и гибелью людей, изощренными методами воздействия протестантов на сотрудников правоохранительных органов, нацеленными на их дезориентацию, деморализацию и дезорганизацию. Выявление и анализ этих методов помогут осуществлять программы информационно-психологической профилактики и защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Цель статьи состоит в выявлении, анализе и классификации методов негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей в зарубежных странах в ходе протестных акций и массовых беспорядков (2019–2021 гг.).

Описание хода исследования. Уточнено определение терминов «воздействие» и «негативное информационно-психологическое воздействие на сотрудников органов внутренних дел». Осуществлен анализ интернет-публикаций, связанных с массовыми протестами и беспорядками. Выявлены и классифицированы методы негативного информационно-психологического воздействия протестантов на правоохранителей.

Выводы. Используемые протестантами методы негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей стали более изощренными, гибкими и разнообразными. Они осуществляются как в оффлайн, так и в онлайн форматах и оказывают влияние на сознание, социальные установки и поведение правоохранителей. Для защиты правоохранителей от негативного информационно-психологического воздействия необходим комплекс правовых, информационных, оперативных и психологических мер.

Для цитирования: Караяни, А. Г., Караяни, Ю. М. (2021) Методы негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей в ходе протестных акций в зарубежных странах. *Российский девиантологический журнал*, 1(1), 70-83. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-70-83.

Караяни Юлия Михайловна

Военный университет
Министерства обороны
Российской Федерации
(Москва, Россия)

karayani@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1100-837X

Yuliya M. Karayani

Military University of the Ministry
of Defense of the Russia
(Moscow, Russia)

karayani@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1100-837X

Keywords

impact, methods of negative
information and psychological impact,
protests, law enforcement officers

Methods of negative information and psychological impact on law enforcement officers during protests in foreign countries

Abstract

Relevance. In 2019-2021 numerous protests and riots swept the world including Europe, Asia, and America. Some of them turned violent and resulted in the death of people. Rioters used sophisticated methods to influence law enforcement officers in order to disorientate, demoralize and disorganize them.

The identification and analysis of these methods will help to implement programs of information and psychological prevention and protection of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Objectives. The purpose of the article is to identify, analyze and classify methods of negative information and psychological impact on law enforcement officers in foreign countries during protests and riots of 2019 - 2021.

Results. The definition of the terms “impact” and “negative information and psychological impact on employees of internal affairs bodies” was clarified. An analysis of online publications related to mass protests and riots was carried out. Rioters’ methods of negative information and psychological impact on law enforcement officers were described and classified.

Conclusions. The methods of negative information and psychological impact on law enforcement officers used by rioters have become more sophisticated, flexible and diverse. They are carried out both offline and online and affect the consciousness, social attitudes and behavior of law enforcement officers. To protect law enforcement officers from negative information and psychological impact, it is necessary to implement a set of legal, informational, operational and psychological measures.

For citation: Karayani A. G., Karayani Y. M. (2021) Methods of negative information and psychological impact on law enforcement officers during protests in foreign countries. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 1(1), 70-83. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-70-83.

Введение

Анализ событийного ряда 2019–2021 годов показывает, что рассматриваемый период был богат на различные протестные акции и массовые беспорядки. Подобные события произошли в Алжире (2019), Армении (2020–2021), Белоруссии (2020–2021), Болгарии (2020), Германии (2020), Гонконге (2019–2020), Иране (2019–2020), Киргизии (2020), Ливане (2020), Перу (2020), Польше (2020), Республике Гаити (2019), России (2019, 2021), США (2020), Таиланде (2020), Франции (2018–2021), Чили (2019) и других странах. В некоторых из них (например, в Гонконге, Алжире и др.) приняли участие более миллиона людей.

Перечисленные протестные акции вызывались разными причинами, заметно отличались мотивами и целями. Так, в Алжире, Белоруссии, Венесуэле, Киргизии, Перу они были связаны с выборными процессами. В Армении, Болгарии, Ливане, Республике Гаити, Таиланде протесты нацеливались против политики действующей власти, в Китае (Гонконг), Индии, Польше, Франции они явились реакцией на принятие дискриминационных законов, в США и Чили протестовали против социальной несправедливости.

Характерной чертой анализируемых событий является то, что мотивация и цели действий протестантов трансформировались по мере развития протестных акций. К примеру, в Иране первоначальной причиной возникновения серии протестных акций послужил рост цен на топливо на 50–200 %, а в дальнейшем протест перерос в акции против политической власти в стране; в Ливане первоначально проходили митинги, требующие найти и привлечь ответственных за взрывы в порту Бейрута, которые позже трансформировались в протесты против действующего правительства, в Армении массовые акции изначально были реакцией на неуспешное окончание войны за Нагорный Карабах, а затем вылились в антиправительственные акции.

Несмотря на разнородность анализируемых событий, общим для них является острое противостояние между протестантами и силами правопорядка. В некоторых случаях информационно-психологическое воздействие протестантов на правоохранителей приобретало выражено противоправные и агрессивные черты. Их целью было выведение правоохранителей из эмоционального равновесия, нарушение их ориентированности в событиях, трансформация их нравственных ценностей, личностной и групповой идентичности, снижение эффективности и/или отказ от выполнения своего служебного долга.

Анализ методов негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей в ходе протестных акций, состоявшихся в 2019–2021 годах, позволяет констатировать, что они постоянно совершенствовались и порой достигали уровня информа-

ционно-психологических технологий. Изошренность, массированное применение этих методов не могли не сказаться отрицательно на самочувствии, настроениях и активности правоохранителей.

Однако, несмотря на острую актуальность, высокую теоретическую и практическую значимость исследуемой проблемы, она не нашла должного отражения в психологических исследованиях.

В связи с этим требуется выявление, «инвентаризация», всесторонний анализ и классификация методов негативного информационно-психологического воздействия, которые использовались в различных странах и могут быть в дальнейшем использованы против сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Это поможет осуществлять соответствующие профилактические программы и их информационно-психологическую защиту.

Проведение исследования

Исследованию подверглось информационно-психологическое воздействие на сотрудников правоохранительных органов в ходе протестных акций, состоявшихся за последние три года (2019–2021 гг.) в зарубежных странах. При этом предметом непосредственного исследовательского интереса стали как конкретные методы, так и целостные технологии такого воздействия.

Целью данной статьи является выявление и комплексное исследование методов негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников правоохранительных органов в зарубежных странах, изучение их специфических черт и особенностей применения в процессе протестных акций.

Решение исследовательских задач по выявлению и классификации методов негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей осуществлялось с использованием методов мониторинга и анализа интернет-публикаций, логико-семантического анализа, обобщения, группировки и классификации выявленных методов.

Начальным этапом исследования являлось уточнение понятий «воздействие» и «негативное информационно-психологическое воздействие на сотрудников правоохранительных органов».

В дальнейшем исследовании с помощью выделенных индикаторов («протесты», «массовые беспорядки», «демонстрации», «полиция», «милиция», «Росгвардия», «правоохранители») через поисковые системы Яндекс и Google анализировались интернет-материалы, исследовались публикации, содержащие факты информационно-психологического воздействия на правоохранителей. Выявленные методы негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей подверглись анализу, обобщению и классификации.

Результаты и обсуждение

Проведенное исследование методов негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников правоохранительных органов показало, что существующие определения воздействия в рассматриваемом контексте демонстрируют свою ограниченность. Одно из наиболее ранних определений воздействия трактуется как «целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому» (Карпенко, 1998, стр. 58). Последующие уточнения данного определения были связаны лишь с акцентированием его различных аспектов (Мещеряков, 2003), (Кабаченко, 2000), (Караяни, А. Г., Зинченко, Ю. П., 2007), (Столярченко, 2001).

При всей эвристичности трактовок психологического воздействия названными и другими авторами, они не охватывают ряд важнейших феноменов, составляющих сущность описываемого явления в контексте информационно-психологического противоборства. Нельзя не согласиться, что атрибутивными признаками психологического воздействия в рассматриваемых рамках являются его целенаправленность или преднамеренность, соответствие целям работы специалиста и конкретным профессиональным задачам (Сарелайнен, 2011).

Контекст информационно-психологического противоборства определяет специфические черты осуществляемого воздействия. В данном случае под воздействием могут также пониматься действия, которые не связаны с переносом информации или движения по отношению к конкретному объекту, например, блокирование доступа к жизненно важной информации отдельному человеку или социальной группе, демонстративное забвение («культурный бойкот», «вычеркивание») отдельных людей или социальных групп из информационной жизни социальных сообществ, целенаправленное повышение социального статуса оппонентов (конкурентов) объекта воздействия в Интернет-пространстве, пристрастное формирование новостных лент интернет-поисковиков и т. п.

Очевидно, что, по крайней мере, в парадигме информационно-психологического противоборства, понятие «воздействие» должно быть расширено и может

быть определено как *целенаправленное распространение (продвижение, блокировка и/или селекция) информации, взаимодействия, движения между участниками коммуникационного процесса, результатом которого является изменение психологических характеристик хотя бы одного из них.*

Уточнение понятия «воздействие» позволяет конкретизировать понятие «негативное информационно-психологическое воздействие на сотрудников правоохранительных органов». В данном случае понятие «воздействие» дополняется указанием на объект и цель воздействия. В качестве объекта воздействия выступают отдельные сотрудники, их конкретные категории или правоохранительные органы в целом. Целью же воздействия выступает негативная трансформация психических характеристик объекта.

Перечень психических характеристик (мишеней), на изменение которых нацеливается воздействие, приводит О. С. Андреева. К таковым она относит: 1) побудители активности – потребности, интересы, склонности, идеалы; 2) регуляторы активности – смысловые, целевые и операциональные установки, групповые нормы, самооценка, мировоззрение, убеждения, верования; 3) когнитивные (информационные) структуры – знания о мире, людях, сведения, которые обеспечивают информацией человеческую активность; 4) операциональный состав деятельности – способ мышления, стиль поведения, привычки, умения, навыки, квалификация; 5) психические состояния – фоновые, функциональные, эмоциональные и др. (Макаров, 2014).

Соглашаясь, в целом, с представленным перечнем, необходимо уточнить, что объектом воздействия может выступать не только отдельная личность, но и социальная группа, и общество в целом. В связи с этим важно выделить такие мишени информационно-психологического воздействия, как коллективное (общественное) мнение, настроение, сплоченность, взаимодействие и отношения людей.

Следует отметить, что феномен информационно-психологического воздействия является предметом целого ряда философских, социологических и психологических исследований. Среди отечественных трудов,

”

Требуется выявление, «инвентаризация», всесторонний анализ и классификация методов негативного информационно-психологического воздействия, которые использовались в различных странах и могут быть в дальнейшем использованы против сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Это поможет осуществлять соответствующие профилактические программы и их информационно-психологическую защиту.

”

посвященных анализу рассматриваемой проблемы, необходимо отметить работы Е. Г. Баранова (Баранов, 2017), М. В. Виноградова и О. А. Ульяниной (Виноградов, М. В., Ульянина, О. А., 2020), А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, С. В. Цыганкова (Караяни, А. Г., Караяни, Ю. М., Цыганков, С. В., 2018.), Л. В. Карнаушенко (Карнаушенко, 2017), Н. А. Комлевой (Комлева, 2017), А. В. Костюка, А. И. Примакина (Костюк, А. В., Примакин, А. И., 2018), М. М. Лебедевой (Лебедева, 2017), В. Л. Цветкова с соавт. (Цветков, 2019) и др.

Анализ перечисленных работ позволяет сформулировать следующее определение *негативного информационно-психологического воздействия* на сотрудников правоохранительных органов. Его целесообразно рассматривать как *воздействие на отдельного человека или группу лиц (в том числе, помимо их воли), которое осуществляется с использованием специальных средств и способов воздействия на психику человека и приводит к негативным последствиям для личности, общества и государства* (Цветков, 2019, стр. 150).

Анализ практики информационно-психологического воздействия на правоохранителей в ходе протестных акций, имевших место в 17 странах мира в период с 2019 по 2021 год, показывает, что протестный контекст накладывает отпечаток на содержательные и динамические характеристики воздействия.

Эти особенности связаны с тем, что протестные акции вырастают из специфической мотивации их участников. Специалисты отмечают, что в общем плане протест сопряжен со специфическим эмоциональным фоном и субъективными переживаниями несправедливости, депривации, ограничения свободы, неудовлетворенности, несовпадения личностно-значимых ценностей с ценностями, защищаемыми другими людьми и группами. Вместе с тем наблюдаются кардинальные различия в спектре, масштабе, побудительных силах и причинах протеста, который варьируется от неосмысленного, стихийного акта до действия, выступающего как поступок (Гусейнов, 2013), (Sweetman, 2019).

Специалисты, описывая различные модели протестных действий, выделяют ряд их предикторов, таких как социальная идентичность, самокатегориза-

ция, восприятие эффективности, ожидаемая ценность коллективных, нормативных мотивов и мотивов вознаграждения, чувства гнева, вины, сочувствия, сопереживания, морального возмущения и стыда, а также такой общий и мощный предиктор, как общая протестная установка (Sweetman, 2019).

Сложная конфигурация психологических переменных обуславливает широкий диапазон поведенческих форм протестов, которые могут варьироваться от *нормативных*, соответствующих представлениям более широкой социальной группы (например, подписание петиций, лоббирование, мирные митинги), до *ненормативных*, которые нарушают правила большинства (например, забастовки, саботаж, террористические акты) (Sweetman, 2019), (Агадуллина, 2013).

Наряду с этим, как показывает наше исследование, в протестных событиях принимают активное непосредственное и опосредствованное участие субъекты, которые побуждаются не протестной мотивацией, а иными мотивами. К таковым субъектам относятся государственные структуры и спецслужбы некоторых зарубежных государств, надгосударственные глобальные IT-корпорации и финансовые фонды, межгосударственные образования типа

ПАСЕ, зарубежные сетевые сообщества, внутригосударственные интернет-инфлюэнсеры (блогеры, интернет-журналисты), хактивисты¹, специально подготовленные боевики, а также лица, стремящиеся использовать социальные катаклизмы и проблемы для обретения и преумножения своего социального капитала и др. Эти субъекты имеют различные мотивы: от получения личных выгод (в виде «лайков», «комментов», новых подписчиков, денежных сумм и т. д.) до свержения государственного строя в конкретной стране. Таких участников протестных акций целесообразно квалифицировать как «*квазипротестанты*». Доля квазипротестантов в протестных акциях может быть весьма существенной, а их действия могут отличаться наибольшей активностью и агрессивностью.

Истинных и квазипротестантов, несмотря на кардинальное различие в мотивации их действий, объединяет общая тактическая цель – преодолеть преграды,

”

Протест сопряжен со специфическим эмоциональным фоном и субъективными переживаниями несправедливости, депривации, ограничения свободы, неудовлетворенности, несовпадения личностно-значимых ценностей с ценностями, защищаемыми другими людьми и группами

“

¹ Хактивист – хакер, преследующий политические цели.

которые выстраивают на их пути правоохранительные органы. Вследствие этого правоохранители в ходе протестных акций становятся объектом ожесточенного негативного информационно-психологического воздействия.

Изучение 212 интернет-источников, описывающих протестные акции в зарубежных странах в период с 2019 по 2021 год, показывает, что около 60 % из них содержат информацию о противостоянии протестантов и правоохранителей, а около 30 % описывают конкретные методы негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников правоохранительных органов.

Логико-семантический анализ этих методов, их сравнение и группировка позволяют осуществить их общую классификацию. Прежде всего, по основанию «контактность» выделяются две большие группы таких методов: *дистантные* и *контактные* методы. Дистантные методы негативного информационно-психологического воздействия реализовывались в ходе протестных акций с помощью информационных и телекоммуникационных технологий и мессенджеров. В связи с этим их можно классифицировать как *опосредствованные* методы. Контактные методы были связаны с *непосредственным* взаимодействием субъекта и объекта воздействия. И контактные и дистантные воздействия осуществлялись в *индивидуальном, групповом и массовом* формате. При этом воздействие осуществлялось как прямо на правоохранителей, так и *косвенно*, через социальную среду их жизни и деятельности, в информационно-знаковой и информационно-действенной формах. С точки зрения используемых психологических механизмов воздействия выделялись методы *убеждения, внушения, побуждения к подражанию*.

По *мишеням воздействия* анализируемые методы можно классифицировать как методы, направленные на: изменение отношения сотрудников к протестующим и переход на их сторону; устрашение сотрудников и членов их семей; оскорбление чести и достоинства сотрудников; формирование негативного имиджа правоохранительных органов в общественном сознании, ненависти и презрения к ним со стороны протестантов; создание у сотрудников чувства неуверенности в себе, своих сослуживцах и руководителях и выведение их из эмоционального равновесия; отказ сотрудников от выполнения служебных обязанностей.

Проведенная классификация методов негативно-информационно-психологического воздействия на правоохранителей, использованных в ходе анализируемых протестных акций в зарубежных странах, позволяет констатировать, что протестантами в той или иной степени было задействовано все многообразие методов воздействия, известных сегодня в психологической практике.

Особенностью использования методов негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей было то, что они применялись комплексно, в различных сочетаниях, перетекали друг в друга, переходили из реальной жизни (реальности) в киберпространство и обратно, мигрировали по различным цифровым ресурсам и т. д.

Этому способствовало то, что в результате перемещения значительной части нашей жизни в киберпространство, по существу, сформировалась целостная смешанная (гибридная) реальность повседневного бытия человека (Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., 2020). В результате информационно-психологические акции легко перемещаются между оффлайн и онлайн сферами, из реальной жизни — в киберпространство и обратно (Архипова, А. С., Радченко, Д. А., Титков, А. С. и др., 2018), обретая новые свойства (Бовина, И. Б., Дворянчиков, Н. В., 2020), (Бовина, И. Б., Дворянчиков, Н. В., 2020), (Павлова, 2020).

Возрастающую роль в реализации различных методов информационно-психологического воздействия играли социальные медиа, социальные сети и мессенджеры. Их значение было велико и в прошлых протестных акциях. Не случайно, некоторые из них были обозначены как «твиттерная революция», «фейсбучная революция», «интернет-революция» (Сундиев, И. Ю., 2014). Однако в протестных событиях в Белоруссии, Гонконге (КНР) и США и ряде других стран их использование переросло из средства информационной поддержки в фактор активного протестного действия.

Так, во время массовых акций в Белоруссии (2020–2021 гг.) сформировалась и активно функционировала своеобразная *информационная платформа*, включающая зарубежные и оппозиционные СМИ, социальные медиа, различные информационные технологии и сервисы, анонимайзеры, личные информационные ресурсы протестно настроенных граждан и т. д. Ядро этой платформы составляли Telegram-канал «NEXTA Live» (более 2 млн пользователей), интернет-газета «Наша Ніва», белорусский информационно-сервисный интернет-портал TUT.BY (охватывает 62,58 % всех интернет-пользователей республики), радиостанция «Радио Свобода» и др.

Ни в одной из цветных революций прошлого ИТ-возможности не использовались так широко и разнообразно, как в Белоруссии, выполняя самые разные функции. Наряду с задачами информационно-психологического воздействия на сотрудников правоохранительных органов *с целью изменения их ценностных ориентаций, социальных установок и поведения*, расширения протестной базы, мобилизации направления участников протестного движения ИТ-платформы применялись в целях нарушения функционирования информационной системы государственных и негосударственных органов (в том числе МВД), координации

тактических действий протестантов против сил правопорядка, обеспечения защищенности протестантов от правовых последствий незаконных действий и т. д.

Интернет-трибуна активно использовалась оппозиционными силами в целях *убеждения* правоохранителей отказаться от исполнения своих служебных обязанностей. Так, в Молдавии находившаяся в оппозиции М. Санду призывала сотрудников правоохранительных органов не блокировать работу государственных учреждений и не подчиняться приказам ее политических противников. В Белоруссии С. Г. Тихановская выражала благодарность правоохранителям, которые якобы отказались выполнять «приказы своего начальства». Высказывались прямые предложения сотрудникам милиции «перейти на сторону народа». «Спонсоры» протестных акций обещали выплачивать денежное вознаграждение милиционерам, которые публично заявят о своем решении уволиться из органов, чтобы «не выполнять преступные приказы».

Пытаясь использовать *механизмы психического заражения*, активисты социальных сетей организовали «флэшмоб», в котором лица, называвшие себя бывшими «силовиками», выбрасывали в мусорные баки служебную форму, объясняя это тем, что им «стыдно за действия сослуживцев и власти». Широко тиражировалась информация о том, что один из бывших милиционеров демонстративно уволился из органов, написав на своей странице в Instagram «Милиция с народом». В социальных медиа активно распространялись фото- и видеосвидетельства жесткого пресечения сотрудниками милиции и бойцами ОМОН несогласованных протестных акций. Для создания банка подобной информации на новостном интернет-портале Республики Беларусь «TUT.BY» был создан специальный раздел.

Одновременно осуществлялось беспрецедентное информационно-психологическое давление на сотрудников правоохранительных органов с целью их *устрашения*. Правоохранителям *внушалось*, что впереди их всех ждет неизбежная «люстрация». На Telegram-каналах и других оппозиционных ресурсах осуществлялась публикация персональных данных о силовиках «которые служат режиму». Сообщалось о том, что в распоряжении протестантов имеются данные на тысячи правоохранителей. Активно распространялась информация о якобы разработанной компьютерной программе, позволяющей деанонимировать (опознавать личность и получать персональ-

ные данные) сотрудников, участвующих в пресечении массовых беспорядков, в том числе в шлемах.

Создавалась своеобразная информационная среда, которая должна была оказывать *косвенное воздействие* на правоохранителей. Например, в качестве материальных носителей оскорбляющих и угрожающих сообщений, направленных против сотрудников правоохранительных органов, использовались стены домов, тротуары, автомобили сотрудников, кассовые чеки в некоторых магазинах и др. Оппозиционно настроенные медики призвали коллег ставить сотрудникам ГАИ, ОМОНа, спецназа и другим силовикам такие медицинские диагнозы, которые испортят им последующую служебную карьеру.

Для *унижения чести и достоинства сотрудников* правоохранительных органов по отношению к ним применялась специальная эмоционально насыщенная и вызывающая негативные ассоциации терминология («фашисты», «каратели», «тихушники», «слабовики» и др.). В интернет-листовках распространялись слухи-пугала и разъединяющие слухи, по типу: «Фашисты в черной форме уже убили белорусов, которые просто хотели свободы, а десятки мирных демонстрантов находятся в тяжелом состоянии в больницах»². Эти листовки многократно просматривались, «кликались», комментировались и пересылались многочисленными slackтивистами и кликтивистами³.

Между тем, деятельность подобных «диванных протестантов» не так безобидна, какой может показаться на первый взгляд. В рамках модели «цифрового префигуративного участия» (digital prefigurative participation) исследователями установлено, что участие в «протестных событиях берет начало из процесса коммуникативного взаимодействия, в ходе которого частные интересы постепенно артикулируются в публичные» (Платонов, К. А., Юдина, Д. И., 2019). То есть нередко участие в уличных массовых беспорядках начинается с «лайка» под призывом выходить на улицы или перепоста сообщения.

Формирование в общественном мнении образа правозащитников, как лиц, грубо нарушающих права граждан, «приводит к выбору экстремальных способов взаимодействия с полицейскими. В результате подобной радикализации коллективных протестов обостряется восприятие несправедливости сложившейся ситуации, а также усиливаются негативные эмоции по отношению к каждой из сторон взаимодействия, что в свою очередь еще больше обостряет протестные

² Беларусь! Белорусы снова выходят на улицы! [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.facebook.com/groups/derzhites/permalink/1592811994230204/> (дата обращения: 23.03.2021).

³ Slackтивизм (англ. «slacker» – лентяй, бездельник и «activism») – активистская деятельность, в том числе общественно-политическая активность, имитирующая внешние проявления активности индивида, не подкрепленной реальными внутренними установками или не выражающейся в реальных действиях (Догаев, 2017). Кликтивист – близкое по значению понятие (интернет-пользователь, ограничивающий свое участие в социальных процессах кликами мышки).

настроения» (Ковалева, 2020). При этом, если у протестантов формируется чувство гнева по отношению к правоохранителям, то оно побуждает первых к нормативным протестным действиям. Если же у них по отношению к правоохранителям возникает чувство презрения, то оно мотивирует протестантов на ненормативные действия (Ковалева, 2020, 134).

В ряде стран, где была отмечена протестная активность, различные интернет- и мессенджер-каналы осуществляли прямую *координацию действий протестующих*, давали указания о маневрах в конкретный момент времени, местах сбора, путях отступления оппозиционеров и т. д. Это в ряде случаев позволяло протестантам появляться неожиданно в различных местах, создавать перевес в силах над правоохранителями, дезориентировать их, заставляя постоянно перемещаться, изматывать их физические и психические силы. Чтобы усилить эти эффекты, белорусская интернет-платформа «Кибер-партизаны» запустила своеобразную онлайн-карту, на которой отмечалось нахождение сотрудников органов внутренних дел, судей и др. практически в режиме реального времени.

Участники движения BLM⁴ в США широко использовали в этих целях различные бесплатные приложения для смартфонов, которые превращают гаджет в сканер полицейских радиочастот, в частности, программу Police Scanner. Количество скачиваний этой программы на пике протестов в США превысило число скачиваний приложений таких популярных соцсетей, как Facebook, Instagram и TikTok.

Подобные приложения позволяли протестующим прослушивать полицейский эфир, получать данные о перемещении подразделений, избегать возможных

столкновений с правоохранителями, а также координировать свои действия. Приложения Signal и Citizen обеспечивали защищенную коммуникацию и автоматическое уничтожение сообщений через заданный промежуток времени. Используя платформы Facebook, Twitter и Snapchat протестанты выкладывали текстовые посты, фото и видео с места событий, а также вели прямые трансляции (стримы) (Сенин, Сканируй это: как участники протестов в США пытаются себя обезопасить, 2020).

Использование средств информации и телекоммуникации позволило протестантам в разных странах обеспечить эффект «рассеянного» в социальных сетях лидерства. По существу, каждый участник протестных акций, сообщая информацию об обстановке, выдвигающий предположения и дающий советы и рекомендации, на короткое время мог стать лидером, а затем «раствориться» в сети (Агадуллина, 2013), (Сундиев, И. Ю., 2014), (Ковалева, 2020), (Заякина, 2020). И. Ю. Сундиев называет такую смену лидерства в смартфонах «мерцанием лидерства» (Сундиев, И. Ю., 2014).

В целях расширения информационных возможностей и координации действий протестантов на местах активно использовались специально «распароленные» (незащищенные) сети Wi-Fi граждан, поддерживающих протесты, проживающих на первых этажах прилегающих зданий. На случай блокировки протестных сайтов предусматривался переход на другие сайты и интернет-сервисы. Для обмена оперативной информацией в случаях блокировки Интернета, протестанты переклюкали мобильные телефоны с 4G на 3G связь, а также использовали технологии VPN (например, Psiphon и Opera)⁵.

”

Использование средств информации и телекоммуникации позволило протестантам в разных странах обеспечить эффект «рассеянного» в социальных сетях лидерства.

“

⁴ Подробнее о движении BLM см., например, Беляев Д. Black Lives Matter и системная дискриминация. Отвечаем на главные вопросы о расизме в США [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/8733817> (дата обращения: 22.03.2021).

⁵ В 2011 г. по плану руководства США запущен проект создания технологии стелс-интернета, с помощью которой планируется обойти запреты на использование Интернета в случае его отключения государственными структурами во время массовых беспорядков. На эту программу было выделено около 20 млн долл. Стелс-станции представляют собой устройство, похожее на чемоданчик с антенной, и обеспечивают доступ большого количества людей к интернет-сервисам. Сообщается, что такие стелс-станции уже доставлены и размещены «на всякий случай» в странах-оппонентах США. Наряду с этим активно разрабатываются технологии Tin Can, которые позволяют связывать телефоны без участия Интернета (Сундиев, И. Ю., 2014).

В настоящее время усиленными темпами идет разработка программ «Интернет с небес». К ее реализации подключились Facebook, Google, SpaceX и др. Предполагается разместить на низких орбитах сотни космических спутников, а в верхних слоях атмосферы и в стратосфере – сотни дронов и воздушных шаров, чтобы «раздавать» пользователям Интернет «с неба» с помощью инфракрасных лучей, лазера и радиосигналов, минуя запреты и отключения со стороны государств. См.: Интернет с небес. Как Facebook и его конкуренты создают сеть будущего. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2015/07/09/56bcbc749a7947299f72be1e> <https://www.rbc.ru/newspaper/2015/07/09/56bcbc749a7947299f72be1e> (дата обращения: 26.03.2021).

Белорусское объединение хакеров и IT-разработчиков «Кибер-партизаны», по существу превратившееся в объединение хактивистов, осуществляло дистанционные атаки на административные ресурсы республики (сайты, аккаунты СМИ и социальные сети), в том числе на официальный сайт МВД республики, который был выведен из строя на длительное время.

Современные IT-технологии использовались протестантами и для затруднения выявления правоохранителями субъектов и передаточных звеньев негативного информационно-психологического воздействия. Так, отмечалось широкое использование белорусскими протестантами анонимайзеров – программ, обеспечивающих скрытие информации о компьютере, его IP-адресе или пользователе в сети от удаленного сервера. В отдельные периоды массовых акций ими пользовались порядка 1,7 млн человек. Как в свое время показал в своих экспериментах Ф. Зимбардо, анонимность является мощным катализатором агрессивности в социальном поведении людей (Зимбардо, 2014).

Особенностью тактики действий протестантов в Белоруссии, Гонконге, США являлось использование тактики умной толпы (смартмоба) (Заякина, 2020), (Быльева, Д. С., Лобатюк, В. В., 2017), (Рейнгольд, 2006), «массово-роевые» схемы, то есть сочетание масштабных акций (демонстраций, шествий, «живых цепей», «гуляний», «сидений», «протестных ужинов», коллективных песнопений, авто- и велопробегов, забастовок, перекрытия магистралей и т. д.), осуществляемых на критически опасных направлениях (учреждения органов государственной власти), с мобильными, осуществляющимися по роевому принципу, действиями мелких групп (15–20 чел.). Нередко такие группы перемещались на автомобилях и велосипедах.

Общая тактическая схема роевых действий белорусских протестантов была прописана организаторами так: «Выходите из своих домов, встречайтесь с соседями и собирайтесь в небольшие группы до 20 человек. Не стойте на одной точке! Двигайтесь в направлении центра города небольшими группами, но не выходите на центральные площади – силовики готовы к этому.

Занимайте все прилегающие улицы и блокируйте дороги! Парализуйте город!» <...> «Если вас немного, а силовики идут в атаку – разбегитесь, перегруппируйтесь и появитесь в другом месте. В отступлении нет ничего постыдного! Не пропускайте машины скорой помощи, пока не убедитесь, что в них действительно медики!». Главным принципом действий мелких групп является принцип «Будь как вода!»⁶.

Подобная тактика, с одной стороны, позволяла создавать у населения и правоохранителей впечатление о масштабности событий (этот эффект усиливается в СМИ и социальных медиа посредством фотошопа и режиссуры), а с другой стороны, способствовала расчленению и распылению сил правопорядка, созданию «дыр» в общей системе безопасности, формированию у правоохранителей неуверенности в собственных силах.

Анализ протестной активности за последние три года показывает, что когда протестанты осознают, что мирными методами (обращение к правоохранителям девушек в национальных нарядах, вручение им цветов, селфи вместе с ними и т. д.) своих целей не достичь, они сподвигаются в сторону использования силовой тактики контактного воздействия.

При этом своеобразной тенденцией является то, что социально-благополучные и относительно успешные участники протестных акций, как правило, предпочитают нормативные формы протестных действий, группы с устойчиво низким социальным статусом, выбирают ненормативные действия (Бовина, И.Б., Дворянчиков, Н.В., 2020). Вот почему, если в Белоруссии и Гонконге поведение протестующих по отношению к правоохранителям носило преимущественно мирный характер (угрозы, оскорбления, оскорбительные надписи на стенах в подъездах домов, тротуарах, автомобилях и т. д.), то участники движения BLM в США и протестанты в Алжире и Иране демонстрировали выражено агрессивное поведение. В Ливане полицейских забрасывали камнями и петардами. В Таиланде получили ранения 22 полицейских, в Чили – 62, в Алжире – 112. Эта агрессивность преследовала, прежде всего, цель устрашения правоохранителей.

”

Для предупреждения негативных последствий информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел России в случае возникновения массовых акций и беспорядков видится необходимость осуществления ряда мер научного, правового, информационного, оперативного и психолого-педагогического характера.

“

⁶ Минск: силовики работают, оппозиция призывает протестующих парализовать город [Электронный ресурс]. – URL: <https://alex-news.ru/minsk-siloviki-rabotayut-oppozitsiya-prizyvaet-protestuyuschih-paralizovat-gorod/> (дата обращения: 21.03.2021).

В США агрессивная толпа забросала камнями участок полиции, где служили сотрудники, задерживавшие Дж. Флойда, разбили несколько окон в здании и, в конечном итоге, сожгли офис. Протестанты мародерствовали, грабили магазины, поджигали автомобили и здания. В ответ полиция применяла водометы, резиновые и красящие пули, перцовые патроны, ручные перцовые баллончики, слезоточивый газ, светошумовые гранаты и т. д.⁷ Все это еще больше повышало градус агрессивности протестантов. Как следствие, в департаменте полиции Нью-Йорка в четыре раза увеличилось количество заявлений об увольнении со службы полицейских. Руководство департамента даже было вынуждено ввести ограничение на количество увольняемых полицейских – до 40 в день.

Для противостояния правоохранителям в Белоруссии формировались специальные «народные дружины» и силы «самообороны». Различные сетевые лидеры рекомендовали создавать такие дружины во дворах, районах, на предприятиях и в учреждениях. Главной их целью ставилось ожесточенное противостояние силам правопорядка. Членам дружин рекомендовалось иметь соответствующее оснащение (ружейные обрезы, маски, щиты, каски, шлемы, обрезы, кухонные ножи, лопаты, цепи, коктейли Молотова), камни, рации, портативные видеокамеры, лазерные указки, акустические системы, громкоговорители, отличительные опознавательные знаки – нашивки, рисунки на одежде и шлемах и т. д.). С целью запугивания правоохранителей на различных интернет-платформах демонстрировались видеоролики о подготовке групп боевиков к коллективным силовым действиям против сотрудников органов правопорядка. Различного рода «инструкторы» рекомендовали «окружать и блокировать служителей правопорядка во дворах, применять по отношению к ним насилие» и т. д.

Как и в протестных акциях и социальных деструкциях прошлого, ядро таких «дружин» составляла молодежь (Камионка, 2020), (Миронова, 2020), (Титов, 2020), часть которой, как утверждалось в СМИ, была специально подготовлена для силового противостояния с правоохранителями.

Выводы

Проведенный анализ особенностей негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников правоохранительных органов зарубежных стран в ходе протестных акций позволяет констатировать, что такое воздействие велось целенаправленно, комплексно, в различных формах (дистантная и контактная, непосредственная и опосредствованная, прямая и косвенная, индивидуальная, групповая и массовая, информационно-знаковая и информационно-действенная, убеждение, внушение, побуждение

к подражанию и т. д.). Оно осуществлялось как в оффлайн, так и в онлайн пространствах, отличалось оперативностью, гибкостью, широким маневром силами и средствами.

Хотя используемый протестантами арсенал психологического воздействия на правоохранителей в целом строился на методической базе, разработанной идеологом цветных революций Дж. Шарпом (Шарп, 2005), отмечалось стремление протестантов создавать новые формы воздействий и их сочетаний.

Несмотря на то, что ни в одной из стран, где в 2019–2021 годах состоялись протесты и массовые акции, протестантам не удалось достичь своих целей, осуществляемое ими информационно-психологическое воздействие в ряде случаев негативно сказывалось на психическом состоянии правоохранителей, их активности и настроении.

Исходя из сказанного, для предупреждения негативных последствий информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел России в случае возникновения массовых акций и беспорядков видится необходимость осуществления ряда мер научного, правового, информационного, оперативного и психолого-педагогического характера.

В научной области, учитывая ограниченность объяснительных возможностей существующих концепций межличностной и массовой коммуникации, вызванных гибридизацией пространства социальной жизни людей, необходимо исследовать психологические механизмы и специфическую структуру коммуникационных процессов в смешанном оффлайн-онлайн пространстве. Такое исследование должно учитывать последние наработки в области когнитивной и поведенческой наук (Бовина, И. Б., Дворянчиков, Н. В., 2020), (Бовина, И.Б., Дворянчиков, Н.В., 2020), (Павлова, 2020), (Блинова, Е. Н., Щербакова, О. В., 2021), (Володенков, С. В., Артамонова, Ю. Д., 2020), а также изучение различными исследователями тактики деятельности правоохранителей в ходе протестных акций (Denisova, 2017), (Jost, J. T., Barberá, P., Bonneau, R., Langer, M., Metzger, M., Nagler, J., Sterling, J. Tucker, J. A., 2018), (Myagkov, 2019). В правовой области целесообразно в превентивном порядке определить правовые нормы использования новых коммуникационных технологий (таких, как «интернет с небес» и др.). В информационной области важной задачей является дальнейшее совершенствование взаимодействия органов внутренних дел с владельцами и провайдером интернет-ресурсов в целях предупреждения распространения запрещенного контента и наращивания интернет-контента, формирующего позитивный имидж сотрудника органов внутренних дел России. В оперативной области целесообразно проанализировать

⁷ Протесты против действий полиции в США. Может ли инцидент в Миннесоте изменить исход президентской гонки в США [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/06/2020/5ed4d22c9a794738f2d6fcd6> (дата обращения: 20.03.2021).

тенденции, наблюдаемые в области негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей в зарубежных странах, выявить сильные и слабые места тактики действий протестантов и уточнить оперативные меры по пресечению массовых беспорядков. В психолого-педагогической области наиболее важным видится формирование у сотрудни-

ков органов внутренних дел информационно-психологической устойчивости, основанной на осознании своего служебного долга, критическом восприятии информации, уверенности в собственной правовой защищенности, высоком профессионализме и способности эффективно управлять своим психическим состоянием.

Список литературы

- Denisova, A. (2017). Democracy, protest and public sphere in Russia after the 2011–2012 anti-government protests: digital media at stake. *Media, Culture & Society*, 39 (7), 976–994.
- Jost, J. T., Barberá, P., Bonneau, R., Langer, M., Metzger, M., Nagler, J., Sterling, J., Tucker, J. A. (2018). How social media facilitates political protest: Information, motivation, and social networks. *Political Psychology*, 85–118.
- Myagkov, M. S. (2019). A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte). *Media, War & Conflict*.
- Sweetman, J. M. (2019). Attitude toward protest uniquely predicts (normative and nonnormative) political action by (advantaged and disadvantaged) group members. *Journal of Experimental Social Psychology*, 82, 115–128.
- Агадулина, Е. Р. (2013). Протестное поведение: индивидуальные и групповые факторы. *Современная зарубежная психология*, (4), 131.
- Архипова, А. С., Радченко, Д. А., Титков, А. С. и др. (2018). «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (1), 12–35.
- Баранов, Е. Г. (2017). Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание. *Национальный психологический журнал*, 1(25), 25–31.
- Блинова, Е. Н., Щербаква, О. В. (2021). Когнитивные механизмы понимания вербальных и иконических текстов. *Психологический журнал*, 42 (1), 66–79.
- Бовина, И. Б., Дворянчиков, Н. В. (2020). Человек в цифровом обществе: объяснительный потенциал одной социально-психологической теории. *Психология и право*, 10 (3), 143–157.
- Бовина, И.Б., Дворянчиков, Н.В. (2020). Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза. *Культурно-историческая психология*, 16 (4), 98–108.
- Быльева, Д. С., Лобатюк, В. В. (2017). Смартмоб: социально-философский анализ. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*, 8 (4), 96–107.
- Виноградов, М. В., Ульянина, О. А. (2020). Психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел. *Психология и право*, 10 (1), 18–29.
- Володенков, С. В., Артамонова, Ю. Д. (2020). Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (53), 188–196.
- Гусейнов, А. (2013). Внешние и внутренние факторы нигилизма: междисциплинарный подход. *Известия СГУ*, 4-2 (28), 19–23.
- Догаев, П. П. (2017). Слэктивизм как форма общественно-политического участия в эпоху «пост-правды». *Политика и Общество*, (8), 1–9.
- Заякина, Р. А. (2020). Социальное конструирование в сетевом подходе. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (57), 52–59.
- Зимбардо, Ф. (2014). *Эффект Люцифера*. Москва: Альпина Нонфикшн.
- Кабаченко, Т. (2000). *Методы психологического воздействия*. Москва: Педагогическое общество России.
- Камионка, М. М. (2020). Юный революционер? Уровень радикализма как фактор протестных настроений украинской молодежи. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (57), 225–235.
- Караяни, А. Г., Зинченко, Ю. П. (2007). *Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика*. Москва: Изд-во МГУ.
- Караяни, А. Г., Караяни, Ю. М., Цыганков, С. В. (2018.) Использование краудсорсинговых технологий в информационно-психологическом противоборстве в социальных сетях. *Военный академический журнал*, 1 (17), 75–82.
- Карнаушенко, Л. В. (2017). Деструктивное информационно-психологическое воздействие на массовую аудиторию: правовые аспекты противодействия. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, (3), 157–161.

- Карпенко, Л. А. (Ред.) (1998). *Краткий психологический словарь*. Ростов-на-Дону: ФЕНИКС.
- Ковалева, Ю. В. (2020). Психологические типы субъектности членов сетевого сообщества (на примере социальной сети "Твиттер"). *Психологический журнал*, 41(1), 131.
- Комлева, Н. А. (2017). Гибридная война: сущность и специфика. *Известия Уральского федерального университета*, 12 (3 (167)).
- Костюк, А. В., Примакин, А. И. (2018). Информационно-психологическая безопасность личности: проблемы и подходы. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3 (79), 227–230.
- Лебедева, М. М. (2017). «Мягкая сила»: понятие и подходы. *Вестник МГИМО-Университета*, 3 (54), 212–223.
- Макаров, Ю. В. (2014). Психологическое воздействие как социально-психологическая проблема. *Известия Иркутского государственного университета*, Т. 10. Серия «Психология», 43–50.
- Мещеряков, Б. З. (Ред.) (2003). *Большой психологический словарь*. Санкт-Петербург: прайм-ЕВРОЗНАК.
- Миронова, О. (2020). Психологические особенности молодых людей, вовлеченных в религиозные и культовые организации через интернет пространство. *Психология и право*, 10(3), 189–210.
- Павлова, Н. Д. (2020). Интенциональное пространство постсобытийного дискурса на различных интернет-площадках. *Психологический журнал*, 41 (3), 78–91.
- Платонов, К. А., Юдина, Д. И. (2019). Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте». *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (5), 226–249.
- Рейнгольд, Г. (2006). *Умная толпа: новая социальная революция*. (А. Гарькавый, Перев.) Москва: ФАИР ПРЕСС.
- Сарелайнен, А. И. (2011). Психолого-правовая трактовка понятия «психологическое воздействие». *Северо-Кавказский психологический вестник*, (9/4), 46–49.
- Сенин, К. (2020) *Сканируй это: как участники протестов в США пытаются себя обезопасить*. Получено 23 марта 2021 г., из iz.ru: <https://iz.ru/1019822/kirill-senin/skanirui-eto-kak-uchastniki-protestov-v-ssha-pytaiutsia-sebia-obezopasit>.
- Сенин, К. (б.д.). *Сканируй это: как участники протестов в США пытаются себя обезопасить*.
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И. (2020). Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности. *Культурно-историческая психология*, 16 (4), 87–97.
- Столяренко, А. (Ред.) (2001). *Прикладная юридическая психология*. Москва: ЮНИТИ (UNITY).
- Сундиев, И. Ю. (2014). *Исследование деструктивных технологий «цветных революций» и профилактики возможности их применения в Российской Федерации*. Москва: ФГКУ «ВНИИ МВД России».
- Титов, В. В. (2020). К вопросу о конструировании национально-гражданской идентичности российской молодежи в цифровую эпоху. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 257–264.
- Цветков, В. Л. (Ред.) (2019). *Психология служебной деятельности*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.
- Шарп, Д. (2005) *От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения*. (Н. Козловской, Перев.) Москва: Новое издательство.

References

- Denisova, A. (2017). Democracy, protest and public sphere in Russia after the 2011–2012 anti-government protests: digital media at stake. *Media, Culture & Society*, 39 (7), 976–994.
- Jost, J. T., Barberá, P., Bonneau, R., Langer, M., Metzger, M., Nagler, J., Sterling, J., Tucker, J. A. (2018). How social media facilitates political protest: Information, motivation, and social networks. *Political Psychology*, 85–118.
- Myagkov, M. S. (2019). A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte). *Media, War & Conflict*.
- Sweetman, J. M. (2019). Attitude toward protest uniquely predicts (normative and nonnormative) political action by (advantaged and disadvantaged) group members. *Journal of Experimental Social Psychology*, (82), 115–128.
- Agadullina, Ye. R. (2013). Protestnoye povedeniye: individual'nyye i gruppovyye faktory. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* (4), 131.
- Arkhipova, A. S., Radchenko, D. A., Titkov, A. S. i dr. (2018). «Peresborka mitinga»: Internet v proteste i protest v internete. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, (1), 12–35.
- Baranov, Ye. G. (2017). Informatsionno-psikhologicheskoye vozdeystviye: sushchnost' i psikhologicheskoye soderzhaniye. *Natsional'nyy psikhologicheskyy zhurnal*, (1 (25)), 25–31.

- Blinova, Ye. N., Shcherbakova, O. V. (2021). Kognitivnyye mekhanizmy ponimaniya verbal'nykh i ikonicheskikh tekstov. *Psikhologicheskii zhurnal*, 42(1), 66–79.
- Bovina, I. B., Dvoryanchikov, N. V. (2020). Chelovek v tsifrovom obshchestve: ob'yasnitel'nyy potentsial odnoy sotsial'no-psikhologicheskoy teorii. *Psikhologiya i pravo*, 10 (3), 143–157.
- Bovina, I.B., Dvoryanchikov, N.V. (2020). Povedeniye onlayn i oflayn: k voprosu o vozmozhnosti prognoza. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 16(4), 98–108.
- Byl'yeva, D. S., Lobatyuk, V. V. (2017). Smartmob: sotsial'no-filosofskiy analiz. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 8 (4), 96–107.
- Vinogradov, M. V., Ul'yanina, O. A. (2020). Psikhologicheskiye aspekty informatsionnogo vozdeystviya na sotrudnikov organov vnutrennikh del. *Psikhologiya i pravo*, 10 (1), 18–29.
- Volodenkov, S. V., Artamonova, YU. D. (2020). Informatsionnyye kapsuly kak strukturnyy komponent sovremennoy politicheskoy internet-kommunikatsii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (53), 188–196.
- Guseynov, A. (2013). Vneshniye i vnutrenniye faktory nigilizma: mezhdistsiplinarnyy podkhod. *Izvestiya SGU*, (4-2 (28)), 19–23.
- Dogayev, P. P. (2017). Slaktivizm kak forma obshchestvenno-politicheskogo uchastiya v epokhu «post-pravdy». *Politika i Obshchestvo*, (8), 1–9.
- Zayakina, R. A. (2020). Sotsial'noye konstruirovaniye v setevom podkhode. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (57), 52–59.
- Zimbardo, F. (2014). *Effekt Lyutsifera*. Moskva: Al'pina Nonfikshn.
- Kabachenko, T. (2000). *Metody psikhologicheskogo vozdeystviya*. Moskva: Pedagogicheskoye obshchestvo Rossii.
- Kamionka, M. M. (2020). Yunyy revolyutsioner? uroven' radikalizma kak faktor protestnykh nastroyeniy ukrainskoy molodezhi. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (57), 225–235.
- Karayani, A. G., Zinchenko, Yu. P. (2007). Informatsionno-psikhologicheskoye protivoborstvo v voyne: istoriya, metodologiya, praktika. Moskva: Izd-vo MGU.
- Karayani, A. G., Karayani, Yu. M., Tsygankov, S. V. (2018.). Ispol'zovaniye kraudsorsingovykh tekhnologiy v informatsionno-psikhologicheskoye protivoborstve v sotsial'nykh setyakh. *Voyennyi akademicheskii zhurnal*, (1 (17)), 75–82.
- Karnaushenko, L. V. (2017). Destruktivnoye informatsionno-psikhologicheskoye vozdeystviye na massovuyu auditoriyu: pravovyye aspekty protivodeystviya. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, (3), 157–161.
- Karpenko, L. A. (Red.) (1998). *Kratkiy psikhologicheskii slovar'*. Rostov-na-Donu: FENIKS.
- Kovaleva, Yu. V. (2020). Psikhologicheskiye tipy sub'yektnosti chlenov setevogo soobshchestva (na primere sotsial'noy seti "Twitter"). *Psikhologicheskii zhurnal*, 41(1), 131.
- Komleva, N. A. (2017). Gibridnaya vojna: sushchnost' i spetsifika. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, 12 (3 (167)).
- Kostyuk, A. V., Primakin, A. I. (2018). Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti: problemy i podkhody. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (79), 227–230.
- Lebedeva, M. M. (2017). «Myagkaya sila»: ponyatiye i podkhody. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, (3 (54)), 212–223.
- Makarov, Yu. V. (2014). Psikhologicheskoye vozdeystviye kak sotsial'no-psikhologicheskaya problema. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, T. 10. Seriya «Psikhologiya»*, 43–50.
- Meshcheryakov, B. Z. (Red.) (2003). *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'*. Sankt-Peterburg: praym-YEVROZNAK.
- Mironova, O. (2020). Psikhologicheskiye osobennosti molodykh lyudey, vovlechennykh v religioznyye i kul'tovyye organizatsii cherez internet prostranstvo. *Psikhologiya i pravo*, 10 (3), 189–210.
- Pavlova, N. D. (2020). Intentsional'noye prostranstvo postsobytiynogo diskursa na razlichnykh internet-ploshchadkakh. *Psikhologicheskii zhurnal*, 41(3), 78–91.
- Platonov, K. A., Yudina, D. I. (2019). Povestka protestnykh onlayn-soobshchestv Sankt-Peterburga vo «VKontakte». *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskoye i sotsial'nyye peremeny*, (5), 226–249.
- Reyngold, G. (2006) *Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya*. (A. Gar'kavy, Perv.) Moskva: FAIR PRESS.
- Sarelainen, A. I. (2011). Psikhologo-pravovaya traktovka ponyatiya «psikhologicheskoye vozdeystviye». *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskii vestnik*, (9/4), 46–49.
- Senin, K. (05 iyun' 2020 g.) *Skaniroy eto: kak uchastniki protestov v SSHA pyatayutsya sebya obezopasit'*. Polucheno 23 marta 2021 g., iz iz.ru: <https://iz.ru/1019822/kirill-senin/skanirui-eto-kak-uchastniki-protestov-v-ssha-pyatayutsya-sebia-obezopasit>

- Senin, K. (b.d.). *Skaniroy eto: kak uchastniki protestov v SSHA pytayutsya sebya obezopasit'*.
- Soldatova, G. U., Rasskazova, Ye. I. (2020). Itogi tsifrovoy transformatsii: ot onlayn-real'nosti k smeshannoy real'nosti. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 16 (4), 87—97.
- Stolyarenko, A. (Red.) (2001). *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. Moscow: YUNITI (UNITY).
- Sundiyeu, I. Yu. (2014). *Issledovaniye destruktivnykh tekhnologiy «tsvetnykh revolyutsiy» i profilaktiki vozmozhnosti ikh primeneniya v Rossiyskoy Federatsii*. Moscow: FGKU «VNII MVD Rossii».
- Titov, V. V. (2020). K voprosu o konstruirovani natsional'no-grazhdanskoy identichnosti rossiyskoy molodezhi v tsifrovuyu epokhu. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 257—264.
- Tsvetkov, V. L. (Red.) (2019). *Psikhologiya sluzhebnoy deyatel'nosti*. Moscow: YUNITI-DANA: Zakon i pravo.
- Sharp, D. (2005). *Ot diktatury k demokratii: strategiya i taktika osvobozhdeniya* (N. Kozlovskoy, Perev.). Moscow: Novoye izdatel'stvo.

Информация об авторах:

Караяни Александр Григорьевич – главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, профессор кафедры методологии психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, Москва, Россия.

Караяни Юлия Михайловна – старший преподаватель кафедры психологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор психологических наук, доцент, профессор РАО, Москва, Россия.

About the authors:

Alexander G. Karayani – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Chief researcher of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation.

Yuliya M. Karayani – senior lecturer at the Department of Psychology of the Federal State University «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Psychological), Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Education.

Статья поступила в редакцию 12.04.2021; одобрена после рецензирования 11.05.2021; принята к публикации 12.05.2021.

The article was submitted April 12, 2021; approved after reviewing May 11, 2021; accepted for publication May 12, 2021.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.